

Лучшая
Новая
Книжка

Елена Соковенина

Системные
ошибки Д.Т.

Москва

Самокат

*Автор выражает сердечную
благодарность за помощь в работе
над книгой дорогим друзьям:
Михаилу Житареву и Вере Фальман,
Ксении и Александру Шевченко
и их папе Николаю Шевченко*

Я ДЯДЯ ТЁМА:)

История про

Однажды утром дядя Тёма встал, приготовил завтрак, сварил кофе и только сел за компьютер, как услышал у себя под окном голос соседки, Антонины Петровны:

— Только посмотрите на это! Какие теперь дети стали ужасные!

— Мы такими не были! — подтвердила Елизавета Яковлевна.

— Кругом сплошное насилие! Неудивительно, что у них ТАКОЕ в головах. А что вы хотите?

Голоса стали удаляться. Антонина Петровна и Елизавета Яковлевна вошли в подъезд.

Дядя Тёма подождал для надежности, чтобы они ушли, и выглянул в окно. Он на втором этаже жил. И увидел на асфальте фею. Видимо, ее нарисовала какая-то девочка (по крайней мере, ни одного мальчика, рисующего фей, дядя Тёма пока не встречал).

У феи не было головы. Точнее, голова была: она лежала рядом с ногами феи.

Но дядя Тёма и не подумал удивиться. У него папа математиком был. Поэтому дядя Тёма всегда начинал с простого.

«Очевидно, — предположил он, — девочка начала рисовать фею с ног. А когда дошла до головы, тротуар кончился: шея феи кончалась в точности там же, где асфальт. Рассчитывать нужно верно! Поэтому пришлось нарисовать голову рядом».

— Однако, не баг, а фича! — сказал он сам себе и пошел в кухню варить вторую чашку кофе.

Дядя Тёма всегда по утрам пьет кофе. Он тестирует всякие компьютерные программы, работает из дома, поэтому ему почти никогда не нужно ходить на работу.

Тем утром дядя Тёма уже жарил себе на второй завтрак омлет, как вдруг позвонила Аня.

Ане девять лет, и она дочка дяди Стёпы — друга дяди Темы. А поскольку ее папа всегда занят и часто зовет своего друга на помощь, она тоже всегда звонит дяде Теме.

— Нам ванну привезли, — сказала Аня, забыв сказать «Доброе утро».

— И что?

— Ну, что-что. Поставили и уехали. Прихожую перегородили. Я в школу пойти не могу. Бабушка ванну поднять не может. А папа на работе.

Дядя Тёма собрался ответить, но тут из кухни повалил черный дым.

— Караул! — закричал дядя Тёма и побежал туда, но поздно.

Омлет превратился в угли.

Дядя Тёма очень спешил. Ему надо было работать. Он яростно отскребал сковородку. Сковородка не отскребалась. Как вдруг послышался звонок в дверь. Это пришла Аня.

— Так я не поняла, — она почесала нос, — как с ванной-то будет? Ой!

То, что дядя Тёма держал в руках, было недавно сковородкой. А теперь стало неизвестно чем.

— Ты что, скрутил сковородку в трубу? — Аня не верила своим глазам.

— Ничего особенного, — дядя Тёма спрятал руку со скрученной сковородкой за спину, — она даже не чугунная.

И он понес выбрасывать испорченную вещь. У самого мусорного ведра дядя Тёма попробовал сковородку разогнуть. Ничего не вышло.

— Нервы сдают, — огорчился дядя Тёма. — Старею.

— Так что с ванной-то? — напомнила Аня у него из-за спины.

— Раз ты выбралась из квартиры, — дядя Тёма торжественно швырнул в ведро скрученную в трубу

сковороду (раздался стук), — значит, не всё так страшно. Дело не срочное. Мне нужно работать. Иди в школу.

— Всё очень страшно, — не согласилась Аня. — Там еще мама застряла. У нее телефон под ванну упал, и она его ищет. Уже на работу опоздала. А в школу она уже звонила. «По семейным обстоятельствам». Так что дело срочное. Иди нас спасать.

И дядя Тёма пошел спасать. Он почему-то не стал звонить грузчикам. Он считал, что это глупость — беспокоить людей по мелочам. Сначала он подпёр ванну, чтобы Анина мама смогла достать свой телефон и выбраться из квартиры. Потом потребовал болгарку. Болгарки не было. Ему дали ножовку. И он стал пилить ванну. И распилил.

А половинки по очереди на помойку вынес. И домой пошел.

— Простите, Артемий Владимирович, — остановила его третья соседка, Елизавета Яковлевна, — это вы сделали?

— Я, — честно сказал дядя Тёма. И осмотрел свои руки. Надо же, как велики возможности человека, подумал он.

По лицам соседок было понятно, что: 1) ему не поверили, 2) подозревают неизвестно в чем, 3) что-то нужно делать.

— У вас что-то случилось? — спросил дядя Тёма. — Помощь нужна?

— У меня ничего... пока ничего, — чуточку струсила соседка. — А я хотела спросить: вы чем занимаетесь? Работаете кем?

Этот вопрос уже очень давно обсуждался между жильцами дома номер восемь, и дома номер двенадцать, и некоторых других домов по Ботанической улице. Вы пробовали объяснить соседям, что работаете удалённо? Нет? Вот и не пробуйте, добром не кончится. Нормальные люди на работу ходят. Каждая Елизавета Яковлевна знает, что это в любой работе самое главное. Только бездельники дома сидят.

— Вы что, бомж? — продолжала насесть соседка.

Она следователем была. На пенсии.

— Что вы, Елизавета Яковлевна, какой же я бомж, — удивился дядя Тёма. — Бомж — это человек без определенного места жительства, а я в своей квартире живу.

— Да-да, но чем вы все-таки занимаетесь? Мне Анечка сказала, у вас какая-то недвижимость? Какая, если не секрет?

Аня сказала всем то, что ей дядя Тёма велел говорить. А что он велел, он уже сам забыл.

— У меня ежиная ферма в Куала-Лумпуре, — выкрутился дядя Тёма. — По производству рукавиц.

К счастью, это было именно то, что он сказал Ане. Показания совпали, соседка осталась довольна, и дядя Тёма с облегчением пошел домой.

Он здорово такие штуки умеет.

Никто не знает, а он даже книжку написал. Про него потом в одном журнале сказали: «...господин с типично английским чувством юмора». Это потому, что никогда нельзя понять, шутит он или нет.

Зато его назначили присяжным заседателем. Это когда происходят всякие особо тяжкие преступления и обыкновенный суд не справляется. Не может он решение принять — виновен или невиновен. Вот и назначают суд присяжных.

Поэтому дядя Тёма иногда говорит, что к нему нужно обращаться «господин присяжный заседатель».

А еще он ходит на митинги. Так и говорит: не могу, мол, Анна, с тобой в кино, у меня в три митинг с немцами. Или с японцами. У него иногда митинги с немцами, а иногда — с японцами.

Но никто никогда не видел, чтобы он вообще выходил из дома дальше супермаркета. Если не считать тех нескольких недель, когда он ездил охотиться на львов.

Короче, никто никогда не может понять, что у него было, чего не было и вообще что он имеет в виду.

А, ну и недвижимость: это же домик в маленькой деревне под Тверью. Он, правда, совсем развалился и нужно чинить, зато рядом лес, пруд с бобрами,

старинная дубовая аллея и много-много земли. Потому что даже летом, в разгар дачного сезона, здесь живет восемь человек, вот его мама и подумала, что надо прикупить соседние участки. Ведь цена — почти даром.

Большая, в общем, у них недвижимость.

Однажды дядя Тёма сидел с Аней в очереди к зубному врачу. Так Анина мама велела.

— Ой, как я не хочу идти! — вздохнула Аня. — Дядя Тёма, сходи за меня, а?

— Да с удовольствием, — говорит ей дядя Тёма. — У меня вон два зуба чинить надо. Только что мы маме скажем?

— А мы скажем, что всё сделали!

Тут из кабинета сказали: «Следующий!» — и дядя Тёма храбро вошел внутрь.

Сначала оттуда было слышно, как позвякивают инструменты. Потом жужжала бормашина. Потом она пищала, как гигантский комар. Потом снова жужжала. Потом опять звякало. Затем зашипела и заплелась полоскательница. И наконец дверь открылась и появился бледный дядя Тёма.

— Ты живой? — спросила Аня.

— Аы, аы, — ответил дядя Тёма. — Аыой.

— Какой еще аыой, — Аня недовольно поморщилась. — Видишь, как все быстро? Чик, и готово. Пошли в кафешку мороженое есть.

Это у них с дядей Темой традиция такая: после зубного идти есть мороженое. В утешение и вообще.

— Чего? — говорит Аня. — Повтори, я не разбираю, что ты там бормочешь.

— Нью э ауфиса. — Дядя Тёма выплюнул ватку в мусорник и повторил: — Ничего не получится.

— Как? — возмутилась Аня. — Это еще почему?

— А у меня и денег-то не осталось, — сказал дядя Тёма и в доказательство раскрыл кошелек.

В кошельке лежала бумажка от конфеты, два билета в зоопарк, кусочек веревочки, шесть зубочисток и еще пакетик сахара из кафе.

— Не может быть! — твердо сказала Аня. — Ты опять меня разыгрываешь! Разыгрываешь ведь? Ха-ха, так я и знала!

Она вывернула кошелек наизнанку. Залезла дяде Теме в карманы. Заставила раскрыть сначала правую ладонь, потом левую. И даже у себя в сумке на всякий случай посмотрела. Денег не было. Ни одной копейки.

— Наркоза больше понадобилось, — печально сообщил дядя Тёма. — Двойная порция... Пятьсот

рублей да пятьсот рублей — как раз наша кафешка и выходит.

— А что, больше у тебя нету?

— Нет, больше у меня нету. Нашу компанию китайцы съели.

— Ладно, — говорит тогда Аня. — Ты только маме не говори.

Но настроение у нее испортилось. На весь день.

И на завтра тоже, даже еще больше. Особенно к вечеру, когда зуб опять стал болеть и пришлось снова записываться к зубному врачу.

А дядя Тёма — тот был очень рад. Ему уже давно пора было идти лечить зубы. Просто он боялся. А тут такой случай — повезло.

Однажды вечером дядя Тёма Ане по телефону математику решал. А еще у него срочная работа была. И вдруг в трубке раздался треск, шум, грохот! Охнул дядя Тёма — и всё. Тишина.

Аня в телефон:

— Алло! Алло!

Но никто ей не отвечает.

— Странно, — говорит Аня. — Куда он делся?

Самым странным было, что и трубку дядя Тёма не положил. Связь есть, а дяди Темы на связи нет. Аня послушала-послушала и вдруг думает: что, если с ним что-нибудь случилось?

Аня испугалась. Она еще покричала «Алло!», потом взяла домашний телефон и стала звонить дяде

Теме на домашний. Трубку никто не брал. Тогда Аня отправила сообщение в ватсап. Телеграм. Вайбер. И из своего вконтакта написала. Ти-ши-на.

Аня сунула ноги в кроссовки и бегом через двор — к дяде Теме. Она представляла, что он упал со стула и потерял сознание. Что к нему ворвались бандиты, стукнули его по голове и связали. Что он сломал палец. Что его дом захватили марсиане. Что стряслось что-нибудь ужасное и непоправимое!

Но дом стоял как стоял. И с дверью все было в порядке. Только дымом пахло.

— Все ясно, — сказала Аня, — пожар. А где же пожарные? Как маленький, в самом деле! В доме пожар, а ему хоть бы хны!

И только пожарным позвонила, как дверь открылась.

— Бульон, — сказал дядя Тёма, размахивая полотенцем, как флагом.

— Чего? — сказала Аня и закашлялась.

Дядя Тёма вручил ей второе полотенце, и они стали вдвоем размахивать в прихожей. Потом в кухне. Потом в комнате.

— Забыл про бульон, — говорит дядя Тёма. — Представляешь? Мы же когда математику начали — в семь? Я как раз перед этим бульон вариться поставил. Потом слышу — как будто что-то потрескивает. Я в кухню — а там!

Аня посмотрела на часы. Часы показывали одиннадцатать.

— А чего там? — спросила она.

Они пошли на кухню.

— Кастрюля, — дядя Тёма продемонстрировал почерневшую кастрюлю, — когда она раскаляется, сначала чернеет. Потом краснеет. Так вот, моя кастрюля была белой и потрескивала. Схватил тряпку снять ее с огня — загорелась тряпка. От тряпки схватились занавески!

— Ты что, сказать не мог? Я чуть со страху не умерла!

— Когда? — рявкнул дядя Тёма. — Я занавески тушил! Я кастрюлю спасал! От дыма прибежали соседи — соседей успокаивал, чтобы они пожарных не вызывали!

— Ясно, — сказала Аня. — Давай доделывать математику.

